

На следующее утро Гао Ту открыл глаза еще до того, как прозвенел будильник.

За окном еще стояла тьма, в комнате царила мертвая тишина. Он не стал сразу вставать, а просто лежал в темноте, прислушиваясь к переменам в собственном теле.

Вчера вечером, забрав в указанном доктором Линем тайнике упаковку сильнодействующего ингибитора под кодовым названием Безмолвие, он почти без колебаний ввел себе первую дозу под холодным светом ламп в ванной.

Ощущения от инъекции сильно отличались от обычных средств. Это не было кратковременным покалыванием или приятным холодком — скорее, глубоким, вязким чувством, будто что-то внутри насильно заморозили, что сопровождалось легким головокружением и тошнотой.

Сейчас лекарство, по-видимому, начало действовать.

Тот жар, что с самого вчерашнего дня бурлил внутри, готовый прорваться наружу, исчез. Его место заняло спокойствие, граничащее с безжизненностью. Железы на затылке больше не были и не горели, словно превратились в кусок бесчувственной мертвой плоти.

Он даже попробовал ущипнуть себя за руку — боль казалась притупленной и далекой, будто между кожей и сознанием пролегал толстый слой ваты.

Еще отчетливее стали эмоциональные перемены.

Проснувшись, он не почувствовал привычной тревоги или тайного ожидания перед встречей с Шэнь Вэньланом, не ощутил паники из-за вчерашнего опасного побега или неопределенного будущего. Внутри него царил покой — почти пустое, звенящее спокойствие.

Мысли о Шэнь Вэньлане, об огромном долге и болезни младшей сестры казались теперь размытыми, словно увиденными сквозь матовое стекло: контуры различимы, но никаких сильных эмоций они больше не вызывали.

Это странное чувство было не то чтобы приятным, но вполне терпимым. Как и говорил доктор Линь, словно находишься под звукоизолирующим стеклянным колпаком.

Он поднялся, умылся, надел отглаженный костюм. Человек в зеркале по-прежнему был бледен, но из глаз ушел тот привычный сдержанный блеск, сменившись чем-то... равнодушным.

Он потренировался перед зеркалом, выверяя изгиб улыбки, чтобы та выглядела как обычно, но внутри не шевельнулось ни единой настоящей эмоции.

В офис он пришел чуть раньше обычного. В открытой рабочей зоне еще никого не было. Он сел

на свое место, включил компьютер и принялся за накопившуюся работу.

Пальцы по-прежнему быстро и точно стучали по клавишам, но мозг работал с какой-то механической холодностью. Он эффективно разбирал почту и отчеты, ни на что не отвлекаясь.

Когда в дверях офиса показался Шэнь Вэньлан, сердце Гао Ту не забилося быстрее ни на удар.

Он, как всегда, встал и слегка кивнул:

— Доброе утро, господин Шэнь.

Голос звучал ровно, без единой дрожи.

Шэнь Вэньлан едва заметно замедлил шаг. Его острый взгляд скользнул по Гао Ту, изучая и пытаясь разгадать. Сегодня Гао Ту выглядел... иначе.

Лицо все еще было нездоровым, но та хрупкость и растерянность, что сквозили в нем вчера, исчезли. Их сменило чрезмерное спокойствие, почти оцепенение.

Даже его едва уловимый, присущий бетам спокойный запах казался слабее обычного — почти неосязаемым.

Эта неестественная безмятежность лишь усилила подозрения Шэнь Вэньлана. Он коротко хмыкнул и, не сказав больше ни слова, прошел в свой кабинет.

Весь день Гао Ту был безупречен. Он эффективно справлялся с делами, точно и быстро выполнял указания Шэнь Вэньлана, вел себя профессионально и сдержанно.

Однако он почти не вступал с Шэнь Вэньланом в лишний зрительный контакт, намеренно держась дальше, чем обычно.

Даже когда он подходил, чтобы передать документы, Шэнь Вэньлан больше не чувствовал от него никаких странных запахов или хоть каких-то эмоциональных колебаний. Казалось, вчерашняя потеря контроля на совещании и поспешный побег были лишь галлюцинацией.

Эта безупречная невозмутимость вызывала у Шэнь Вэньлана необъяснимое раздражение.

Он предпочел бы увидеть в Гао Ту хоть какую-то трещину, хоть каплю растерянности, чем это состояние стоячей воды. Это больше походило на... полную оборону и отчуждение.

После обеда Шэнь Вэньлан нарочно передал Гао Ту сложный документ, требующий детальных пояснений, и велел прийти в кабинет с отчетом. Это была проверка.

Гао Ту вошел с бумагами в руках, встал перед столом и начал доклад — четкий, логичный, последовательный. Голос был ровным, без единой запинки.

Но взгляд его был прикован к документам или расфокусирован где-то в пространстве, лишь бы не встречаться глазами с Шэнь Вэньланом.

Шэнь Вэньлан пытался найти на его лице хоть тень нервозности или неестественности, но потерпел неудачу. Гао Ту был словно прецизионный механизм: совершенный, но безжизненный.

— ...Таким образом, риски при выборе данного плана контролируемы, а ожидаемая прибыль вырастет на три процентных пункта.

Гао Ту закончил доклад, закрыл папку и тихо стал ждать указаний.

Шэнь Вэньлан откинулся на спинку кресла, машинально постукивая пальцами по столу. Его взгляд, тяжелый и глубокий, был устремлен на Гао Ту:

— Документы, которые ты вчера отвозил в налоговую — все прошло гладко?

— Да, господин Шэнь. Все доставлено и зарегистрировано в срок.

Гао Ту ответил быстро, без тени сомнения.

— Вот как? — в голосе Шэнь Вэньлана промелькнул едва уловимый холод. — Позже я попросил помощника проверить. В налоговой сегодня не было никаких срочных документов, которые требовали бы нашей немедленной отправки.

В кабинете воцарилась тишина.

Сердце Гао Ту словно замерло на секунду, но эмоциональная изоляция, дарованная лекарством, позволила ему мгновенно вернуть самообладание. Он поднял глаза, встретившись с изучающим взглядом Шэнь Вэньлана, и его глаза остались такими же равнодушными.

В них даже промелькнуло уместное недоумение:

— Да? Возможно, я перепутал регламент или получил неверную информацию от принимающей стороны. Прошу прощения, господин Шэнь, это моя халатность. Я все перепроверю.

Его реакция была слишком спокойной, слишком естественной, будто речь шла о пустяковой рабочей ошибке. Ни паники, ни оправданий, даже капли вины не было видно.

Такая реакция лишь убедила Шэнь Вэньлана: вчера Гао Ту ушел из компании вовсе не ради документов.

Что он скрывает? И не является ли сегодняшнее неестественное спокойствие лишь ширмой для этой тайны?

Шэнь Вэньлан не стал допытываться — он знал, что правды все равно не добьется. Он махнул рукой:

— Свободен.

— Слушаюсь.

Гао Ту слегка поклонился и вышел, его походка была уверенной, без малейшего намека на суету.

Шэнь Вэньлан смотрел ему вслед, его глаза казались бездонными.

Гао Ту был словно загадка, завернутая в прочную оболочку. Чем спокойнее он себя вел, тем сильнее становилось желание Шэнь Вэньлана взломать эту оболочку и добраться до сути.

А Гао Ту вернулся на свое место и продолжил работу, внутри него по-прежнему царил оцепенелый покой. Он знал, что Шэнь Вэньлан начал подозревать, но ему было уже все равно.

Лекарство отгородило его от страха, как и от всего остального. Ему нужно было лишь отработать эти три месяца, закрыть долги и уйти.

Безмолвие началось, цена была уплачена. Осталось лишь беззвучное прощание в гонке со временем.

<http://bllate.org/book/19762/1946127>